

Игорь ГОРБАЧЕВ:

Герой нашего времени еще не явлен обществу

Выдающемуся русскому актеру и режиссеру Игорю Олеговичу Горбачеву 20 октября исполняется 70 лет. Обычно в такой день принято вспоминать о прошлом — первый успех, признание зрителей, награды, почетные звания, вклад в историю русской драмы. Но традиционно юбилейного интервью на этот раз не получилось — разговор сам собою перешел на сегодняшнюю историческую трагедию России. Иного, наверное, и нельзя было ждать от Игоря Олеговича. Об этом свидетельствует вся его творческая жизнь.

«Игорь Горбачев ворвался в советское искусство в начале 50-х годов, радостно и шумно, подбиваемый ветром послевоенных надежд, с безграничной верой в то, что в счастье — истинное предназначение человека на земле», — так писали театральные критики о его появлении на сцене. Признание пришло сразу, с первой же ролью искрометного и феерического Хлестакова, подкупающего своей удивительной искренностью. Эта роль в исполнении Горбачева до сих пор считается непревзойденной.

Он уже стал актером БДТ, поставил свой спектакль «Домик на окраине» по пьесе Арбузова, уже вышел на сцену Пушкинского театра, более того, стал заслуженным артистом республики — и вещь небывалая — лишь после получил диплом об окончании театрального института.

Уже тогда критики отмечали одну характерную черту таланта И. Горбачева: его герои были неотразимо обаятельны. В Толковом словаре Даля это качество трактуется так: «Обаятель — чародей, колдун, умеющий овладеть умом и волею другого, очаровать его». Как же достигалась эта магическая власть над зрительным залом?

...Был такой эпизод. Во время зарубежных гастролей театр ставил в Париже «Оптимистическую трагедию». Однажды после спектакля за кулисы зашел пожилой француз. «Сколько лет живут русские актеры?» — спросил он. — Я объездил почти весь мир, видел множество знаменитых актеров, но нигде не наблюдал такого самосожжения, которое демонстрируете вы, русские. Вы должны рано умирать...»

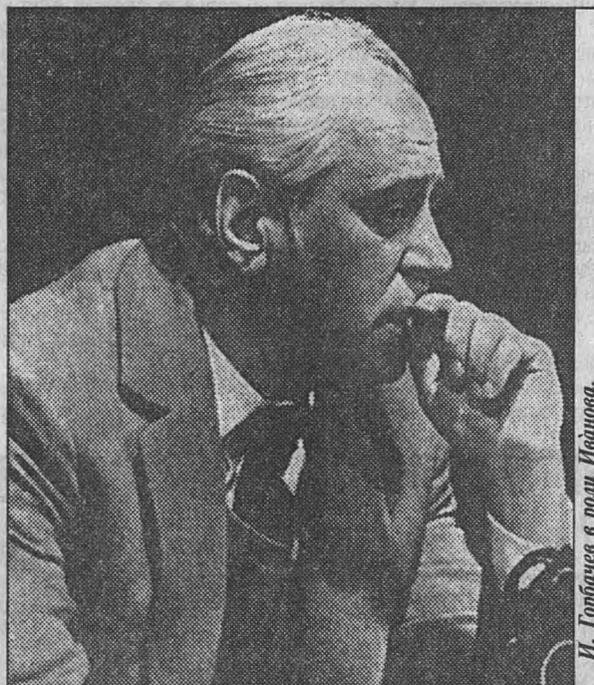
Но то было время Яншина, Черкасова, Толубеева. А сейчас многие жрецы искусства служат иным кумирам. И поэтому трудно было не задать И. Горбачеву такой вопрос:

— А мог бы в вашем театре играть актер, пусть даже талантливый, но из числа тех, кто сейчас отирается у трона?

— Нет, пусть он даже самый увенчанный. У него другой принцип существования — играть простенько и со вкусом. Он не окрыленный артист. Он не меняет, как Черкасов, четыре рубашки за спектакль, не растрачивается на сцене. Эти актеры не переживают чувство, а лишь обозначают его. И есть у них еще некоторый снобизм, они как бы снисходят до зрителя. «Все, что я ни делаю, уже априори гениально».

Характерное признание своим советским коллегам сделал на Московском международном кинофестивале старейший английский кинопродюсер: «Мы в тридцатые — сороковые годы были в панике. Мы боялись ваших героев. И ничего не могли противопоставить силе Максима, Полежаева, Чапаева. В западной современности не обнаруживалось личностей такой силы воздействия». И потому западное искусство поспешило восполнить пробел — раз нет своего героя, значит, его надо выдумать. Так появился образ одинокого героя, вступающего в борьбу со злом. Но по самой своей синтетической природе пластмассовый шериф так и не стал явлением западной жизни, не шагнул с экрана в зал.

В отличие от голливудских идиологов образы, созданные И. Горбачевым, наделены таким качеством, как будничная героизм. По признанию актера, его любимой ролью остается Платов: «В образе коммуниста 30-х годов Платова из спектакля «Друзья и годы» я жил признательностью эпохе, которая вырастила меня. Эпохе противоречивой, но прекрасной. Жизнь у моего героя,

И. Горбачев в роли Платова.

если применить к ней мещанскую мерку, не удалась. После войны мы встречаемся с ним, одиноким: нет у него ни жены, ни детей. Нет даже постоянного крова. Друзья его молодости благоустроены, живут в уюте и покое. И все-таки почему сын одного из таких «благоустроенных» сверстников Платова тянется именно к нему, в нем видит идеал человека, с которого должно «делать жизнь»? В чем корни оптимизма Платова? По-моему, в умении видеть за многими трудностями — за взрывами и дымом войн, за невиданными испытаниями времени — будущее, в котором торжествуют справедливость, гуманность, разум».

Возможно, в этом состоит характерная особенность русского драматического искусства — возвышенное представление о человеке. «Если артист не хочет умертвить своего творчества, пусть он не смотрит на жизнь по-обывательски», — говорил К.С. Станиславский. И в другом месте он возвращался к этой мысли: «Обыватель не может быть художником, достойным этого звания». Но антитезой обывателю в обществе всегда был Гражданин, ощущающий свою сопричастность с судьбой страны. И открытая гражданственность, обостренное чувство долга перед страной — еще одна грань дарования И. Горбачева. Еще задолго до перестройки, в самую глухую брежневскую эпоху, он писал: «Сегодня мы иногда почему-то стесняемся агитационности, откровенного призыва в зал, разговора с современным в полный голос. Заняты главным образом копанием в психологии героев, их внутренних переживаниях, мелких страстях и мнимых волнениях. Чаще всего внимание зрителя фиксируется на психологических аспектах. Не хочу сказать, что это плохо. Но нужен и другой театр — открытых страстей, огромных общечеловеческих проблем, публицистический, агитационный, политический. Мы как будто забыли, что сами создали революционное искусство — политическое, с острейшими конфликтами, четкой гражданской позицией, тенденциозное в лучшем понимании этого слова».

Это написано в семидесятые годы. И в той же работе И. Горбачев упоминает известного французского актера и режиссера Робера Оссейна, который поставил в Париже спектакль «Броненосец «Потемкин». В этой постановке современные выразительные средства соседствуют с лучшими реалистическими традициями, агитационность, соединенная с психологией,

поднята до философской притчи.

Таким образом, даже в наш технократный век театр не утратил своей роли политического публициста. И не ушли окончательно в прошлое традиции Великой Французской революции, когда революционные постановки производили в обществе действие, подобное электрическому разряду, и сценой становились улицы и площади Парижа. Вполне естественно, что возник вопрос к И. Горбачеву:

— А как выглядит современное действие на политической сцене с точки зрения режиссера?

— Политика — это тоже театр, но сейчас мы имеем театр абсурда. Статистам по недоразумению выпали первые роли. А масштаб личности актера должен соответствовать выбранной роли. Еще Черкасов завещал: «Чтобы сыграть положительного героя, надо хоть чуточку дотянуться до него».

А у нас в политике? Один постоянно занимается клоунадой, в которой тонут 3 — 4 парадоксально правильные идеи. Другому бы играть прораба или на худой конец директора вагоноремонтного завода, а ему в театре абсурда дают роль государя. Третий, кажется, задался целью всем показать, как играют Скалозуба в сельской самодеятельности. А у лидеров оппозиции другая недостаток — есть ум и искренность, и уважение к зрителю, но явно недостает техники, актерского мастерства. Ведь искусство начинается тогда, когда плачут не актеры, а зрители. И второй раз не тянет смотреть спектакль, где в главных ролях заняты лидеры оппозиции — скучно и правильно, как воскресная проповедь. Их читать интереснее, чем слушать. Нет способности к яркому публичному существованию. А ведь не надо забывать, что личностные проявления политика сегодня зачастую имеют большее влияние на людей, чем смысл их выступлений.

— Каким вы представляете себе героя нашего времени?

— Герой нашего времени еще не явлен обществу. Я-то убежден, что где-то в подполье уже написана пьеса, которая подведет итог целой эпохе. Но каков будет ее жанр — оптимистическая трагедия или пессимистическая? А может быть, героическая? К сожалению, ни я, ни кто-либо другой ее не читал.

Сейчас многое можно сказать и через классику. Возьмите чеховский «Вишневый сад». Образ слуги Фирса: «Хорошо было раньше — до воли. Все было понятно: господа при деньгах, мужики при господах». Эта мораль многое объясняет в поведении сегодняшнего среднего избирателя — и ждет какого-то порядка, но сам для этого ничего делать не будет. Но у Чехова не сказано, кто способен отстоять вишневый сад. Чехов как бы приглашает нас к размышлению.

Но вот исторический образ из спектакля «Кутузов», когда смертельно раненный князь Багратион говорит: «Солдаты, мы сражались вместе, мы сотни верст прошли в пороховом дыму. Отдайте жизнь, но Родины и чести не отдавайте никому!»

— И все же трагичная нота звучит в ваших словах. Не хотелось бы на ней заканчивать юбилейное интервью.

— Трагичная? Это с одной стороны. А с другой — нам сейчас не отвлеченно, а всеми шестью чувствами дано прочувствовать одновременно и горький, и светлый, жизнеутверждающий трагизм, например, «оптимистической трагедии». Все знают, что Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Но менее известно, что вокруг рейхстага было 7 оборонительных рвов. И прежде тысячи безвестных солдат пали на подступах к нему, наполнив рвы своими телами. Но они собою вымостили путь к Победе. Та же доля выпала мне и нашему поколению — идти в первом эшелоне наступления и заполнить собою ров, чтобы другие пошли в прорыв. И удел этих людей оставаться безвестными. Может, потому мы пока не знаем в лицо подлинного героя нашего времени.

Горько? Да. Обидно? Нет, я счастлив и не ждал бы иной участи.

Сергей ИВАНОВ.
(Наш соб. корр.).

Санкт-Петербург.